

Юрий Угольников

Платон, Сократ и Христос у Я.Э. Голосовкера *

YURI UGOLNIKOV

PLATO, SOCRATES AND CHRIST IN THE WORKS OF Y. E. GOLOSOVKER

ABSTRACT. The article examines Yakov Golosovker's (1890–1967) use of images borrowed from Plato's *Phaedo*, the *Republic*, and the *Laws*. The author attends to how these images are connected to biblical narrative and to Golosovker's own comparison of the images of Socrates, Jesus Christ and Vladimir Lenin, paying special attention to a peculiar apology of Plato in the early mystical dystopia of Golosovker's *The Great Romantic*, the text of which has been lost. He also suggests that there is a connection between the interpretation of Socrates' image in the works of Yakov Golosovker and Mikhail Bulgakov and the philosophy of Lev Shestov. Particularly relevant is Shestov's discussion of Socrates' self-poisoning, as an ultimately absurd act, as a manifestation of absurdity itself, to which reason can counter nothing at all, being forced to resort to extralogical means: faith or imagination. The discussion reveals the defining antiabsurdism and, at the same time, irrationalism of Golosovker's philosophy (though not of his literary practices), which are related to understanding the activity of philosophizing as not only creative, but rather mythopoetic. In espousing this Golosovker is an inheritor of the Platonic tradition, which he receives at least partly through Vyacheslav Ivanov's interpretation and Alexander Blok's essayistic writings.

KEYWORDS: Plato, Y. Golosovker, A. Blok, M. Bulgakov, Lenin, L. Shestov.

Сочинения Якова Эммануиловича Голосовкера дошли до нас далеко не полностью — это известно всем, кто хоть сколько-то интересовался их судьбой. Рукописи Я.Э. Голосовкера дважды были уничтожены, значительную часть жизни ему пришлось потратить на восстановление утраченного; при этом даже из уцелевших текстов до сих пор (спустя 50 лет после смерти философа и писателя) изданы не все. По-прежнему лишь отрывочно опубликован выполненный им в 1920-х годах перевод романа Фридриха

© Ю.А. Угольников (Москва). to-iurij@yandex.ru. Российский государственный гуманитарный университет.

* Выражаю благодарность М. Гордиенко за помощь в подготовке статьи.

Гельдерлина «Гиперион» (племянник Голосовкера, С.О. Шмидт, датировал создание перевода 1922–1923-м годом, но, по всей вероятности, автор дорабатывал его и позднее).

Хуже всего то, что даже изданные произведения Голосовкера остаются совершенно недооцененными. Его «Сожженный роман», не распространявшийся даже в самиздате и увидевший свет лишь в конце 1980-х, в годы, когда к советскому читателю массово возвращалась запрещенная классика, оказался почти не замеченным. Сегодня он воспринимается удивлёнными читателями скорее как странный, неудавшийся двойник «Мастера и Маргариты» Булгакова.

Даже самому известному и чаще всего переиздаваемому произведению Голосовкера — «Сказаниям о Титанах» — редкостно не повезло. «Сказания» были слишком странным текстом для советской России 1950-х. Во взрослой литературе им не нашлось места; их и сейчас продолжают воспринимать как «сказку», как произведение, написанное для детей, то есть по умолчанию несерьёзное. Между тем это была первая книга (разумеется, за исключением многочисленных переводов), которую Голосовкеру удалось опубликовать после революции 1917-го года. «Сказания» должны были стать оправданием, подвести итог всем многолетним трудам философа, его размышлениям не только о греческой мифологии (с которой, скажем откровенно, несмотря на предварение, где говорится о воссоздании доолимпийских мифов, у «Сказаний» не так уж много общего), но и над историей мировой философии и культуры. Достаточно присмотреться чуть внимательней, чтобы обнаружить в «Сказаниях» и отклик на современные Якову Эммануиловичу политические события и социальные проблемы, прямые цитаты, отсылки к операм Вагнера, к трактату Ницше «Так говорил Заратустра», к Библии и к диалогам Платона.

Последнее, может быть, особенно интересно. Центральная фигура «Сказаний» — главный персонаж основной новеллы — кентавр Хирон. В финале (во второй части) «Сказания о Титане кентавре Хироне» в его пещеру (сразу обращу внимание, что неспро-

ста именно она выбрана местом действия) приходят пытающиеся его утешить гости — ученики Хирона, последние титаны и герои, между которыми разворачивается диалог несомненно сократического характера. Вообще в философии начала прошлого столетия внимание именно к диалогу как форме выражения мысли очевиден — можно вспомнить как минимум философию диалога Бахтина. Но сам по себе интерес к диалогу ещё не означает обращения к сократическому диалогу, и тем более не означает диалога с Платоном. У Голосовкера присутствуют важные детали, которые, думается, специально акцентируют внимание именно на сходстве образа платоновского Сократа и Хирона. Хирон ранен в ногу: «царапнула чуть-чуть стрела межкопытье, там, где у коня живое мясо»¹. Именно с того, что Сократ растирает натёртую кандалами ногу, начинается его последний, предшествующий казни и даже длящийся во время казни, разговор с друзьями в диалоге Платона «Федон». Удовольствие от растирания и служит формальным поводом для начала размышлений философа:

Сократ сел на кровать, подогнул под себя ногу и потер её рукой. Не переставая растирать ногу, он сказал: — Что за странная это вещь, друзья, — то, что люди зовут «приятным»! <...> прежде ноге было больно от оков, а теперь — вслед за тем — приятно (Phd. 60bc)².

Последние слова Сократа, как сообщается в диалоге:

Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте (Phd. 118a).

Последний дар, который приносит Хирон — половина бессмертия, которую он отдаёт оглушенному богу Асклепию (и тем самым его воскрешает):

¹ Голосовкер 1994: 256.

² Здесь и далее пер. С.П. Маркиша.

мой последний дар отдаю я тебе. Ещё осталась у кентавра Хирона половина его бессмертия. Сохранил я эту половину для тебя, Асклеий³.

Далее и Хирон, и Сократ страдают от яда: Сократ — от выпитой им цикуты, Хирон — от яда лернейской гидры. Оба принимают смерть добровольно: Сократ — отказываясь бежать из Афин и добровольно выпивая яд, Хирон — отказываясь от своего бессмертия и добровольно сходя в царство Аида. Перед смертью Сократ успевает сочинить гимн Аполлону и переложить в стихах несколько басен Эзопа — это самое интригующее место диалога «Федон», внешне контрастирующее со всеми последующими рассуждениями Сократа и, казалось бы, противоречащее идеям, которые тот же Платон развивает в диалогах «Государство» и «Законы». Хирон не сочиняет песен сам, но последним утешением ему служит всё-таки песня, которую напевает специально для Хирона его пьяный друг — Силен⁴. Итак, по совокупности сказанного, а также учитывая, что Голосовкер был профессиональным философом и не менее профессиональным антиковедом, можно предположить, что все эти отсылки в его тексте не случайны.

Сократ говорит ученикам: философ занимается тем, что «всю жизнь приучает себя жить так, чтобы быть как можно ближе к смерти» (Phd. 67de). Напротив, Хирон прославляет жизнь, даже отказываясь от неё. Эта ситуация по-своему характерна для философии XX-го столетия, когда отказ от жизни не сопровождается утверждением её бессмысленности или утверждением ценности чего-то, за пределами этой жизни находящегося. Можно вспомнить, например, Жюль Делёза, чей последний текст, опубликованный буквально за месяц до его самоубийства, красноречиво называется «Имманентность: жизнь». Такое соединение жизнеутверждения с оправданием самоуничтожения идёт в современной философии, видимо, от Ницше и его философии героического, в рамках которой трагическая гибель воспринимает-

³ Голосовкер 1994: 304.

⁴ Ibid. 292.

ся как часть сюжета трагедии жизни вообще, как неотъемлемая её составляющая. Хотя и учение Ницше (в данном случае, как и во многих других) имеет истоки в античной культуре: достаточно вспомнить притчи, приписываемые Солону, где счастливыми людьми он называет именно счастливо умерших, а героическая смерть оказывается вершиной жизни.

Впрочем, нас сейчас интересует вовсе не Ницше и даже не Солон, а Платон. Отсылки к нему у Голосовкера постоянны: ведь и в раннем произведении Якова Эммануиловича, не дошедшей до нас мистерии «Великий романтик», легко угадываются черты «идеального» общества как его, вроде бы, описывает Платон в диалоге «Государство». По счастью, в кратком автобиографическом очерке Голосовкера «Миф моей жизни» сохранилось хотя бы описание сюжета мистерии:

Замкнувшись в пределах разумного, постигаемого, т.е. здравого смысла, человечество под руководством Мудрых перестаёт стремиться вперёд и самоограничивает себя механической конструктивной однообразной действительностью — системой концентрических кругов. Отсюда праздник Великих Кругов, на которых человечество, разделенное на касты-профессии, пляшет по кругам. Всё то, что человечество искало вне пределов земли, оно перенесло на землю, превращая духовные ценности в механические...⁵

Даже в этом небольшом отрывке чувствуется прекрасное знакомство автора и с «Государством», и с «Законами» Платона.

Достаточно убедительным доказательством того, что Голосовкер, описывая круги и касты, не забывает о Платоне, является, на мой взгляд, второе название мистерии — «Ступени сатаны». В работе «Лик и личины России», впервые опубликованной в 1917-м году, то есть за два года до того, как Голосовкер закончил работу над «Великим романтиком», Вячеслав Иванов пишет следующее: «Восходя, как наставляет Платон, по ступеням любви, он учится

⁵ Голосовкер 1998: 22.

открывать на каждой новой в любимом всё большее причастие бытию истинному»⁶. Вячеслав Иванов имеет в виду Человека, искушаемого Люцифером. Главный герой мистерии Голосовкера, как бы перекликающегося с Ивановым, — Сатана. У Иванова искушаемый (и преодолевающий искушение) восходит по ступеням Платона — по ступеням всеобщей любви, по «лестнице», описанной философом в диалоге «Пир», — он поднимается от любви к конкретному объекту до чистой идеи любви, до любви к самой любви. У Голосовкера же Сатана (тот же ивановский Люцифер) изгоняется из общества, построенного «Мудрыми» по лекалам Платона. И здесь важно понять, чем отличается общество, описанное Голосовкером, от созданного воображением Платона. У Голосовкера общество управляется Мудрыми, а не философами, то есть людьми знающими, а не любящими знание-мудрость. Это предельно механизированное общество, лишённое способности к игре. Платон же, как писал С.С. Аверинцев, жизнь своего идеального города-государства описывает «на определенном уровне и в определенном смысле как игру»⁷. «Ступени Сатаны» не были пародией на Платона — наоборот, Голосовкер показывает, что может произойти, когда идеи, порожденные свободной игрой воображения, опускаются до банальной повседневности, когда вечный бег небесных колесниц пытаются низвести на землю, уложить прекрасный смыслообраз в прокрустово ложе рационализма.

Вообще Голосовкер всегда чётко проводит границу между идеей и её сниженным — опошленным — воплощением в жизни: не просто так его Иисус (именно так, как в поэме Александра Блока «Двенадцать», с одинарным первым «и») в «Сожженном романе» отказывается от Евангелия: «Я не писал этой книги <...> Я не знал её»⁸. И тут важно подчеркнуть, что в «Мастере и Маргарите» Иешуа точно так же говорит о записях Левия Матфея: «Решительно ничего из того, что там написано, я не говорил. Я его

⁶ Иванов 1995: 317.

⁷ Аверинцев 1981: 380

⁸ Голосовкер 1998: 61.

умолял: сожги ты бога ради свой пергамент!» Из всех многочисленных, как мы знаем благодаря евангелиям, учеников Иисуса, Булгаков оставляет Иешуа одного только Левия. И, по сути, благодаря лишь одному-единственному ученику, Платону, мы знаем легендарного «возвышенного» Сократа: сочинения Ксенофонта всё-таки рисуют гораздо более приземленный образ философа.

Здесь надо вспомнить ещё об одном великом киевлянине — Льве Исааковиче Шестове. В его итоговой книге «Афины и Иерусалим» неоднократно повторяется сентенция о том, что бог имеет власть сделать бывшее не бывшим, что со временем мы, люди, можем отвоевать себе право утверждать, что Сократ не был отравлен⁹ (к этому образу Шестов возвращается неоднократно, едва ли не маниакально). Важно, что сам Шестов говорит именно об отравлении Сократа, а не о распятии Христа: распятие с точки зрения христианина имело высший смысл, отравление Сократа никакой сакральной функции не несёт — это абсолютно бессмысленная жертва во славу своих принципов, это торжество абсурда, в руки которого себя отдаёт мудрейший из людей. Это также важно для Шестова: разум сам по себе беспомощен против абсурда мира, он может только смиряться с ним, но не может ему противостоять, для противостояния абсурду нужны иные средства, например, вера. Конечно, книга Шестова вышла в 1938-м году, едва ли Михаил Афанасьевич, живший в СССР, мог с ней ознакомиться (тем более не мог её читать каторжанин Голосовкер), но, безусловно, они должны были знать более ранние сочинения Шестова и общее направление его мыслей (его идеи с годами изменялись крайне мало).

Так вот, именно об этом — о том, чтобы сделать бывшее не бывшим, отменить распятие, просит Пилат Иешуа после того, как Мастер, наконец, возвещает прокуратору прощение и свободу. Вернее, прокуратор уже почти уверен в том, что это прошлое отменено, он спрашивает: «Но ты мне, пожалуйста, скажи, ведь её не было! Молю тебя, скажи, не было?», — и получает от арестанта

⁹ Шестов 2001: 46–47.

Га-Ноцри соответствующий ответ: «Ну, конечно, не было...» Дело здесь не в том, что Иешуа утешает прокуратора, это не ложь во спасение (Иешуа уже сказал раньше тому же Пилату: «правду говорить легко и приятно»), а в том, что, по словам Воланда и вполне в соответствии с учением Шестова (и, например, Лютера), «каждому воздастся по вере его». Разумеется, Шестов не был первым религиозным философом, придерживавшимся учения о спасении верой — об этом говорили многие отцы церкви, начиная с апостола Павла; спасение верой — краеугольный камень, на котором основан протестантизм. Но в отечественной религиозно-философской традиции всё-таки именно Шестов — самый яркий представитель этого учения (недаром он с огромной симпатией писал о тех же Лютере или Кьеркегоре). Разумеется, в «Афинах и Иерусалиме» Лев Исаакович также ссылается на библейское «будет тебе по твоей вере»¹⁰.

Шестовским подтекстом, как мне кажется, объясняется и двойное убийство Мастера и Маргариты. Сначала отравленные (не просто так выбран и способ умерщвления) Азazelло и умирающие в подвальчике, затем они же вторично умирают — в клинике Стравинского (Мастер) и в собственном доме (Маргарита). Такая двоящаяся смерть также подчеркивает возможность отвоёвывать (повторю это важное для Шестова слово) право изменить прошлое: даже если логика подсказывает, что встречи не было, что влюбленные умерли в одиночестве, вера может «сделать бывшее не бывшим» — вернуть их в место, где они были счастливы, в их подвальчик.

Вернемся, однако, к Платону и Сократу. Как видим, Сократ (шестовский Сократ) у Булгакова оказывается — до известной, конечно, степени — неназванным двойником Иисуса-Иешуа (вернее, наоборот, Иешуа в романе дублирует Сократа). И у Голосовкера в собрании героев в пещере перед добровольным схождением Хирона в Аид угадываются завуалированные отсылки не только к «Федону», но и к тайной вечере и к поклонению волх-

¹⁰ Шестов 2001: 291.

вов. В странствии Хирона в поисках тела Асклепия — крестный путь и, неожиданно, в схождении кентавра в царство мертвых — въезд Христа в Иерусалим. Один наглядный пример: во втором из сказаний об Атланте его, по сути, искушает обмануть Геракла охраняющий золотые яблоки Гесперид титан Ладон, превратившийся в змея. Параллель с библейским искушением очевидна, а Хирон зеркально отражает Атланта.

Итак, христианская образность парадоксально соединяется в «Сказаниях» с отсылками к диалогам — по крайней мере, одному диалогу — Платона. По-своему это кажется логичным: Ницше, которого Голосовкер переводил и к которому относился с величайшим почтением, считал христианство вариантом платонизма (т.е. вариантом того же декадентского мировоззрения). Однако Голосовкер к Платону вовсе не столь критичен, как уже было показано на примере «Великого романтика». Уточню: к Платону, но не к Сократу. О Сократе (не платоновском Сократе) Голосовкер писал, что тот никогда не поднимался по ступеням Диотимы — т.е. по ступеням любви, о которых говорил Вячеслав Иванов¹¹. Отсюда внезапная двойственность: если Сократ — персонаж диалогов Платона — у Голосовкера сугубо положителен (хотя бы как «составная часть» кентавра Хирона), то в рассуждениях об «историческом» Сократе Голосовкер бывает менее дружелюбен.

Любопытная параллель с Сократом обнаруживается у Голосовкера в его эссе «Ленин и Сократ», написанном для журнала «Россия»¹². О содержании этой работы можно получить представление из разговоров, которые позднее Яков Эммануилович вел с юным Владимиром Зелинским¹³. В. Зелинский вспоминает¹⁴, что Голосовкер находил в методах размышления Сократа и Ленина много общего, с той существенной разницей, что Ленин предпочел взяться за «рычаг политики». То есть Ленин, по Голосовке-

¹¹ Голосовкер 2010: 186.

¹² Ibid. 475.

¹³ Небольшая, но весьма интересная мемуарная статья о. Владимира «Между Титаном и ведром» вскоре должна быть переиздана.

¹⁴ Зелинский 1993: 302.

ру, — сократический человек, но пришедший в политику и потому разрушительный (намного более разрушительный, чем его античный предшественник — «декадент» в трактовке Ницше).

Соположение Ленина и Сократа мейнстримом советской и постсоветской культуры назвать никак нельзя, а вот наделение образа вождя чертами христианского святого (или даже Христа) и, наоборот, наделение врага советского строя/России/партии чертами ложного Христа — антихриста — в литературе и кинематографии 1920–1930-х явление распространенное. Ленин, конечно, не погиб трагической смертью, вернее, мифологизировать подлинную трагедию его смерти советские идеологи не могли. Создать Ленину ореол мученика революции было сложно, тем не менее постепенно его жизнь и смерть мифологизировались. Появляется миф об отравленных пулях Фанни Каплан, приведших якобы к ранней смерти Владимира Ильича. Более того, даже в литературе, не претендующей на официоз, библейские коннотации в отношении смерти Ленина более чем прозрачны: в статье М.А. Булгакова, как отмечает Мариетта Чудакова, колонна, идущая прощаться в мавзолей к телу вождя, внезапно превращается в караван паломников, шествующих за Вифлеемской звездой¹⁵. Кажется парадоксальным, что смерть вождя соотносится именно с рождением Иисуса, а не с его распятием, но Ленин скончался именно в январе, и смерть его просто календарно оказалась ближе именно к Рождеству, да и советские «красные звёзды» заставляли вспоминать в первую очередь о Рождестве.

Сократ тоже принимает жертвенную смерть, но она не становится поводом для легитимации новых структур. Если из тела Христа возникает церковь (которая и считается его земным телом, и прихожане буквально питаются его телом — в этом и состоит смысл евхаристии), то за смертью Сократа не следует, собственно, ничего: его последователи не образуют церкви или государства (его смерть, как уже сказано, принципиально бессмысленна). Гораздо заманчивей было увидеть в пролетариате

¹⁵ Чудакова 1991: 140.

новых христиан, а в советском государстве — новую церковь. И всё-таки некоторые исключения встречаются, но по большей части уже в постсоветских сочинениях, да и то это скорее мнимые исключения. Так, у Фёдора Блюхера в довольно ироничной статье «Вклад тов. Альтюссера в развитие философии Марксизма» внезапно возникает фигура Сократа и история о смерти Сократа, но Ленин и Сократ в статье Блюхера не соплагаются, в них нет ничего общего, Сократ здесь просто пример: образец философа как такового — философа по определению¹⁶.

И всё-таки примеры соотнесения если не Ленина и Сократа, то христианства и платонизма, платонизма и революции в культуре первых пореволюционных годов можно отыскать, например, у Александра Блока. Его известнейшая статья «Интеллигенция и Революция» заканчивается словами: «Демон некогда повелел Сократу слушаться духа музыки. Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию»¹⁷. Непонятно, считает ли Блок, подобно Ницше, Сократа изменником духа музыки, не выполнившим заветы демона, но в любом случае то, что имя Сократа служит финальным аккордом столь важной статьи, посвященной революции, не может быть случайностью.

Разумеется, в гораздо большей степени революция для Блока соотносится с фигурой Христа: перед отрядом красноармейцев в его поэме «Двенадцать» шагает невидимый за вьюгой Христос, но так же, как Христос, во главе ватаги идёт «обезумевший от ярости человек» — древнеримский «большевик» Катилина в статье Блока «Катилина»¹⁸. Катилине революция не удалась, но «беспощадный приговор старой цивилизации», как пишет Блок, «готов был прозвучать из Назарета». Что именно Христос стал провозвестником нового мира, новой цивилизации, что именно его явление знаменует начало заката Рима, Блок повторяет неоднократно и в других своих текстах пореволюционной поры. У Блока

¹⁶ Блюхер 2006: 198.

¹⁷ Блок 1971: 406.

¹⁸ Блок 1971: 441.

неудавшаяся социальная революция соотносится с неотменимой революцией духа, и Христос для него — революционер духа (как, хотя бы только в потенции, для него революционером духа был и Сократ). Особенно чётко артикулирует это Блок в статье «Владимир Соловьёв в наши дни»¹⁹, где, рассуждая о рождении новой цивилизации из упадка Рима, он говорит о христианстве как о третьей силе. Первая — это собственно цивилизованный, омертвевший, пресыщенный Рим. Вторая — воплощение стихии, инстинктов, природы — наступающие на империю варвары. Третья сила, как можно понять и как, видимо, интерпретирует её Голосовкер, — сила, вмещающая и хаос природы, и утонченность цивилизованности. Для Блока это учение Христа. Однако в статье о Соловьёве он вспоминает и о Платоне, и об элеатах как о предшественниках Христа, как о философах, помнивших о том материке, ветер с которого и принесет обновление миру²⁰.

Главным героем своих сказаний о титанах Голосовкер избрал Хирона, который так же объединяет в себе самые разные природы. Он примиряет в себе и цивилизацию, обладая наполовину человеческим обликом (и даже превосходящим человеческий, учитывая, что он сын Крона), и он же имеет иную природу. Он обладает телом коня, то есть сопричастен природе животного. Он — сын океаниды Филюры, ставшей деревом, липой: в нём и стихия океана, и спокойствие дерева. Не хотел ли Голосовкер в своём персонаже свести воедино все первоначала досократиков? Однако результатом восстания, революции — гнева Лапитов, изгоняющих Кентавров (впрочем, этот гнев лишь продолжает и завершает главное восстание — Богов, низвергающих и изгоняющих титанов), — так вот, результатом этого восстания становится в «Сказаниях» не проявление и торжество «третьего начала» Блока, суммарным воплощением которого у Голосовкера является Хирон.

¹⁹ Ibid. 503–508.

²⁰ Любопытно, что у Булгакова в романе «Белая гвардия» о рождении третьей силы из столкновения теперь уже гетмана и Петлюры размышляет сугубо отрицательный персонаж, Шполянский, и под этой третьей силой теперь явно подразумеваются большевики (Булгаков 2008: 149).

Результатом бунта будет, напротив, изгнание этого начала и в конце концов его смерть. Уже в середине 1920-х, если верить «Со-жженному роману», Иисус оказывается не нужен жителям советской нэпманской Москвы (подчеркну, это всё тот же Иисус, который шел в поэме Блока перед ватагой красноармейцев). Может показаться, что всё это нагромождение образов, все эти контаминации совершенно бессмысленны, — но, на мой взгляд, это не так; попытаюсь вкратце изложить своё мнение.

Главной философской идеей Голосовкера была мысль о единстве природы и разума, о том, что инстинкт культуры в человеке и инстинкт воображения — именно инстинкт, он говорит о недопустимости разделения разума и воображения, отлучения разума от воображения (см. выше о сочетании различных природ в Хироне). Платон — это именно идеальное воплощение человека, познающего инстинктом, воображением, создающего свои персональные мифологии, что прекрасно демонстрируется великолепным образом платоновской пещеры в «Государстве» и множеством других мифов в разных диалогах. Он — образец сочетания цивилизации и хаоса, предельного рационализма и живой жизни, или, как назовёт эти начала Голосовкер в эссе «Лирика — трагедия — музей и площадь», оргиазма и числа.

И Иисус, и Сократ стали образцами жизни, претворенной в миф, жизни, приведенной в полное соответствие с разумом. Вернее, не с разумом, не с рациональностью, а с абсолютном. Совершеннейший человек и мудрейший из людей — они оба и сами для потомков остались воплощением абсолюта, воплощением того, к чему так неудержимо (по Голосовкеру) стремится наше воображение и что оно может найти лишь в себе самом. Именно поэтому их образы для Якова Эммануиловича столь ценны, именно поэтому он объединяет их в своём мудреце — кентавре. Когда Голосовкер рассказывает о добровольном схождении Хирона в царство теней, то смысл этого вовсе не в том, что Хирон даже на смертном одре восславляет жизнь в отличие от платоновского Сократа, учащего, что философ всю жизнь упражняется в уми-

рании. Смысл происходящего в «Сказаниях» совершенно иной. Голосовкер, как ему кажется, знает тайный секрет философии — в трактате «Имагинативный абсолют» он пишет:

только с бытием в сознании, т.е. в воображении, можно вложить смысл в существование.

И чуть ранее:

бытие есть понятие имагинативное и при этом этицированное: оно насквозь пропитано абсолютностью и постоянством <...> Мыслитель потому и дарит прежде всего бытие человеку в мировом масштабе, чтобы человеку стало устойчиво жить. Своим даром человеку бытия мыслитель вкладывает мысль в существование²¹.

Иными словами, даже когда философ, как это делает Платон в «Федоне», говорит, что он живёт так, чтобы быть ближе к смерти, даже когда мудрец добровольно отказывается от жизни (как это делает Хирон), даже тогда они самой своей мыслью всё равно делают для других людей, для всего человечества земное существование возможным. Философ превращает хаос и ничто в бытие. Философ примиряет нас с миром — хотя бы ради находящейся за этим миром реальности. Только воображение (и философия, порождаемая воображением, — «философия как искусство»), по мнению Голосовкера, спасает человека от мирового вакуума (как пишет Голосовкер в «Имагинативном абсолют», — от «вакуума мира»). Для Голосовкера, если перефразировать Хайдеггера, воображение — это дом бытия. Протесты Голосовкера (парадоксальным образом обращенные в пустоту — ведь его книги не издавались) против философов-экзистенциалистов были вызваны, видимо, их загнипнотизированностью «ничто» — пустотой, вакуумом и абсурдом. Иногда кажется, что Голосовкер видел в экзистенциализме новое воплощение философии позднего эллинизма и Рима: новых стоиков и эпикурейцев, которых он так же жи-

²¹ Голосовкер 2010: 13–14.

вописал самыми мрачными красками, рассказывая об их многообразном воспевании отчуждения от мира и всего в нём происходящего.

Уже Кьеркегор обнаружил в изначальной свободе страх перед «ничто», не говоря о том масштабе, до которого «ничто» разрастается у Сартра. В экзистенциализме Голосовкер увидел капитуляцию рациональности современного мира перед хаосом и абсурдом, преклонение перед абсурдом, вызванное именно невозможностью его преодоления при помощи лишь разума, оказывающегося слишком слабым вследствие отказа современного человека от познания воображением, от философствования посредством воображения, — ярчайшим образцом и основоположником такого философствования был для Голосовкера Платон. Воображение у Голосовкера не просто загораживает от нас «ничто», оно приобретает божественные функции — оно творит всё из ничего, преобразует вакуумы в бытия. Если герои Голосовкера вглядываются в бездну — а они, подобно Ницше, не боятся в неё заглянуть, — то своим взглядом они уже изменяют её. И образцом преобразования вакуума в бытие для Голосовкера остаётся Платон, именно это Голосовкер как писатель и старается показать в «Сказаниях о Титанах». Губительно не воображение и не мысль, губителен прагматический, утилитарный подход и к мысли, и к воображению, гиперрационализация воображения, превращение философских идеалов в механическую догму, подход, носителей которого Яков Эммануилович изображал в не дошедшем до нас «Великом романтике», вовсе не полемизируя с Платоном.

Литература

- Аверинцев, С.С. (1981), “Герман Гессе”, in Н. Hesse, *Die Morgenlandfahrt. Gedichte. Märchen. Kleine Prosa*, 366–388. Moskau: Verlag Progress.
- Блок, А.А. (1971), *Собрание сочинений в 6 томах*. Под ред. С.А. Небольсина. Т. 5. Москва: «Правда».
- Блюхер, Ф. (2006), “Вклад тов. Альтюссера в развитие философии Марксизма”, *Синий диван* 8: 189–199.
- Булгаков, М.А. (2008), *Белая гвардия*. СПб.: «Азбука-Классика».
- Зелинский, В.К. (1993), “Между Титаном и Вепрем”, in Я. Голосовкер, *Сказания о Титанах*, 286–292. Москва: «Высшая школа».
- Голосовкер, Я.Э. (1998), *Засекреченный секрет*. Томск: «Водолей».
- Голосовкер, Я.Э. (2010), *Избранное: логика мифа*. Санкт-Петербург: «Центр гуманитарных инициатив».
- Голосовкер, Я.Э. (1994), *Сказания о Титанах*. М.: «Детская литература».
- Иванов, В.И. (1995), *Лик и личины России: эстетика и литературная традиция*. Москва: «Искусство».
- Шестов, Л.И. (2001), *Афины и Иерусалим*. Москва; Харьков: «Фолио».
- Чудакова, М.О. (1991), “Иисус и Иешуа”, *Дружба народов* 7: 136–141.
- Blyukher, F. (2006), “Vklad tov. Altyussera v razvitiye filosofii Marksizma”, *Siniy divan* 8: 189–199.